

ЭРАТО

*Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Долго скитался с тех пор, как разрушил священную
Трою,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь
Жизни своей...*

Гомер «Илиада»

В пробку на Каширке она попала прямо возле метро «Каширская», перед поворотом на Коломенский проезд. В такую периферийную даль на юге Москвы ее занесло из-за необходимости осветить в прессе совершенно идиотское, с ее точки зрения, мероприятие – открытие кафедры теологии в Московском инженерно-физическом университете. Как говорится, приехали.

Впрочем, как только люди при ней начинали говорить о «духовных стремлениях», «чистоте помыслов», «религиозной нравственности», ее поражало, сколько словесной шелухи каждый из них держит в душе, стараясь не допускать самой мысли, что мир вокруг гораздо сложнее, чем кто-то из них себе представляет. Они были готовы фотографироваться со свечками у аналоя, но вера была для них лишь способом демонстрации не «нравственных устоев», а неких моральных ограничений, которыми они, якобы, руководствуются. И когда что-то происходило вне их желаний, они «не заморачивались» поисками более глубокого религиозного смысла в событиях, а видели лишь одни интриги недоброжелателей, чей-то «сглаз» и общую отсталость «нашего с вами народа».

Религия была для них нечто вроде амулета, защищавшего их от непостижимости бытия, от необходимости самим проявить какую-то душевную работу, собственное выстраданное мнение. Она вовсе не являлась даже средством спасения собственной души, для многих религия была подачкой для души, лишенной и малой возможности проявиться и реализоваться в жизни более органично.

Ей категорически не хотелось бывать на подобных «светских мероприятиях», но компания «Audi» в рамках значительных скидок и негласного договора о скрытой рекламе поставила первым условие, что она будет появляться на своем автомобиле без шофера в учебных и научных центрах столицы в качестве «иконы стиля». В качестве такой «иконы» ей пришлось более часа любоваться, как сконфуженные профессора-физики неловко крестятся на православные иконы, даже не понимая, к кому и с чем обращаются.

Практически у всех собравшихся в висках неслышно стучала мысль о неуместности всего происходящего, о том, чтобы их «скорее оставили в покое». И она видела, как ледяной покоей, о котором они просят, тихонько сковывал их души. Вряд ли собравшиеся понимали, насколько были опасны подобные «массовые мероприятия» как бы исключительно в заботе о «нравственности подрастающего поколения». Все-таки к религии каждый должен был прийти сам, без сектанства и уж точно во вне рабочее время. Достаточно было капли пафосной лжи, общего желания «чтоб нас оставили в покое» - и души навсегда отстранялись от самого их обладателя, тенью падая к ногам в качестве легкой добычи гарпий.

Она смотрела на неглупых мужчин, решивших «не заморачиваться», понимая, что никто из них не отдает себе отчета, почему в расхожем жаргоне вдруг появился этот глагол от старинных понятий «морок», «мрак». Слово появилось, оно пытается донести им скрытый смысл, старается предупредить и оградить от непоправимого, но... они стоял с глупыми улыбками на новой, совершенно неуместной здесь кафедре, и никто не шагнет вперед, чтобы выразить недовольство устроенным им издевательским балаганом.

Ощущая полное бессилие, женщина за рулем щегольского автомобиля на секунду опустила свое прекрасное лицо на руль. Подняв голову резким движением, она с опаской глянула в зеркало заднего вида. Сложно было не почувствовать явное присутствие Холодца, побывав на таком «мероприятии». Ей весь день слышался его издевательский смех. Как же ей хотелось рвануть с места, подальше от этого безликого фасада университета и стеклянного параллелепипеда кинотеатра «Мечта». Но, вдобавок к джипу, попытавшемуся маневрировать между полосами слева, справа ее машину зажал автобус, больше похожий на освещенный аквариум, полный сонных усталых рыб.

Она привыкла к тому, что каждый год после гололеда ноября город останавливал в пробках перед Новым годом и стоял до самой весны, когда на дорожном полотне появлялись глубокие ямы. Наступившая зима не была самой «пробковой» в истории наблюдений, хотя средней загруженности дорог в утренний час пик, с 9 до 10 утра, неизменно выставлялись 6 баллов. Она помнила, как года три назад вся Москва стояла на 10 баллов, а по радио объявляли, что столичные пробки можно растянуть в машинном исчислении на 700-900 км, составив протяжённость трассы от Москвы до Киева.

По вечерам, до 8 часов вечера, пробок было ещё больше. Средний балл вечернего часа пик в начале зимы составлял 7,5 баллов. Поэтому она предпочитала ездить с водителем, чтобы при необходимости иметь возможность бросить с ним машину, а самой добраться до места на перекладных. Она все время спешила, да и не призналась бы себе самой, что одна в пустом салоне чувствует себя не в своей тарелке. Благо, что ее публичная профессия предполагала не просто поток, а непрерывный конвейер встреч, интервью и фотосессий, когда она ни на минуту не оставалась одна.

С крайним раздражением она подсчитала, что за рулем своей красной Audi Q7, массовая продажа которой должна была начаться лишь через два месяца, она лишь за эту зиму потеряла в пробках почти семь суток жизни.

Заметив, что из прижатых на соседних полосах автомобилей на нее начали обращать внимание, она достала из фирменного футляра большие солнцезащитные очки от Christian Dior, украшенные стразами и золотой нитью. При широкой известности и публичной профессии, она не могла позволить себе выглядеть кое-как и ездить неизвестно на чем. Окружающие ее вещи должны были подчеркивать ее общественный статус, а машина являлась существенной частью ее имиджа.

Возраст, проклятый возраст, когда последние золотые песчинки скоротечного времени приходилось подчеркивать все более вызывающими вещами, заполучить которые становилось все сложнее. В юности она, будучи ведущей популярной программы на радио, не считала для себя зазорным выезжать на стареньком папином «Москвиче-412», который шутливо называла «машиной-убийцей», так как автомобиль буквально рассыпался по запчастям. Каждое утро повторялась одна и та же история: она выходила из подъезда, садилась в бывшую папину машину, которая проезжала метр и глохла. И статус ей тогда придавала толпа поклонников, сразу бросавшихся толкать ее неказистое средство передвижения.

Она так и не научилась сливаться с автомобилем в одно целое, возможно, потому, что считала свое пребывание за рулем – временным. Она была уверена, что на смену «безлошадным» поклонникам со временем придут другие, со стильными спортивными автомобилями, которые она видела в зарубежных фильмах. Да и глупо было «сливаться» с ржавым папиным «Москвичом». Расставшись с ним, она долгое время пользовалась отечественными «девятками», а потом взялась осваивать всевозможные джипы. Но, сколько бы автомобилей она не поменяла, она все равно была уверена в том, что автомобиль это всего лишь временный аксессуар.

«Если мужчины выбирают себе машину только для статуса, то для женщины автомобиль - это дополнение к красивой сумочке, туфлям и сережкам» - с лучезарной улыбкой говорила она в интервью, создавая образ стильной, прекрасной и невероятно популярной «иконы стиля».

С годами толпа поклонников у подъезда поредела и постепенно заменилась вездесущими папарацци, старавшимися снять ее по-прежнему прекрасное лицо в самом невыгодном

ракурсе. В затянувшемся ожидании принца на спортивном авто ей пришлось довольствоваться услугами водителей, ставших для нее своеобразным «аксессуаром». Красивые молодые люди, крутившие баранку ее машин, лишь на первых порах держались вежливо, как и подобало ее «аксессуару». Но все скорее скатывались к какой-то покровительственной фамильярности, обманывая в чеках на ГСМ и запчасти. И каждый раз, когда она давала интервью о том, как ей «чужд адреналин высоких скоростей и крутых виражей», а потому она «в повседневной жизни с удовольствием пользуется услугами водителя» - она непроизвольно хмурилась, вспоминая очередной скандал с распоясавшимся водителем. Между ее идеальными бровями все глубже залегала некрасивая складка, нарушавшая оптимальный размер ее переносицы.

Сжимая сейчас руль ладонями, затянутыми в красные лайковые перчатки, она с грустной улыбкой вспомнила фразу, которую она произносила в рекламе, элегантно захлопывая дверцу стильного «Rolls Royce», как бы вся устремленная навстречу новым жизненным поворотам: «Женщина не должна подходить к автомобилю ближе, чем на тридцать сантиметров!» В жизни ей приходилось подходить к автомобилю куда ближе, рассматривая, в каком состоянии его оставил очередной уволенный ею красавчик. Она старалась постепенно приучить себя к мысли, что скоро ей придется хотя бы из-за детей принять на работу сумрачное забитое существо неопределенного возраста – из тех, что иногда ей предлагали в рекрутских агентствах. Заранее представляя, как такое существо будет неодобрительно пялиться на ее юбку и каблук, она старалась всеми силами оттянуть момент их вынужденной встречи. Создавая вокруг себя атмосферу абсолютной гармонии, где любая деталь идеально подходит к своей великолепной хозяйке, она тщательно работала над

своим образом, совершенно не желая, чтобы его опускал пожилой, трепанный жизнью водитель за рулем ее автомобиля.

Но больше всего ее раздражало, что сам ее статус уже определяли не фирменные туфли, а марка автомобиля и... наличие известного светской хронике любовника. Для нее бесповоротно закончилось время, когда она определяла статус мужчины одним своим появлением рядом. Теперь, когда золотой песок в хрустальном флакончике с ее именем стремительно иссякал, каждый день превращался в борьбу за сохранение статуса. С опаской вновь взглянув в зеркальце заднего вида, она с нарастающей тоской подумала, что же с ней будет, когда она хоть раз проиграет в этой схватке за статус «иконки стиля».

В прошедшем ноябре ей пришлось поломать голову, где и как отметить свой 37-й день рождения. Можно было собрать всех гостей на даче, как она бы сделала это раньше, но теперь ей пришлось приобрести для этой цели ресторан, чтобы устроить все подобающим образом.

В качестве «интриги дня» она умело подогрела любопытство собравшихся загадкой, кто же подарил ей Audi Q7. Она мастерски давала понять известным светским сплетницам, будто этот подарок сделал ее поклонник, пожелавший оставаться инкогнито. Тратя золотые песчинки на то, чтобы разжечь интерес к этому «инкогнито», она сама в какой-то момент испытала страх, поняв, что среди приглашенных ею особ слишком многие давно не испытывают никакого любопытства не только по отношению к ней, но и в отношении собственной жизни.

Они с одинаковым вежливым равнодушием зорко отслеживали статусный состав знаменитостей, придирчиво рассматривали убранство зала, сервировку стола, драгоценности и туалеты дам от ведущих кутюрье, они заговорщицки улыбались ее намекам о тайном поклоннике, восторгаясь ее новеньким автомобилем. Но она никак не могла избавиться от ощущения, все ее гости уже не получали приятные впечатления от званого вечера, а будто с придирчивостью арифмометров *фиксировали* окружающие признаки своего статусного положения. На секунду ей даже показалось, будто у многих ее гостей уже побывала в гостях

мифическая гарпия Подарга, в реальность которой ей вовсе не хотелось верить самой, даже побывав на открытии кафедры теологии в инженерно-физическом университете.

Абсолютно нормальными на ее дне рождения выглядели лишь молоденькие содержанки из числа восходящих «звезд эстрады», пришедшие с продюсерами, ради которых она и устраивала праздник. Разумеется, их «захватили с собой», не только для того, чтобы не дать ей возможности «порешать вопросы», но и чтобы прозрачно намекнуть в день ее рождения, что в их кругу появились и более интересные претендентки на «близость к телу».

Поначалу она даже расстроилась, но потом убедилась, что вечер скрасили только эти юные, полные жизни красавицы, восторгавшиеся всем окружавшим их великолепием. Она хорошо понимала радость юных созданий, перед которыми за ее счет внезапно открылись двери в «новую жизнь». Но больше всего ее поразило явное страх, отразившийся на лицах наиболее «статусных» гостей, когда она вышла из своего автомобиля в ослепительно белой норковой шубке, накинутой на любимое красное платье.

Честно говоря, она рассчитывала, что ее хоть немножко начнет ревновать один человек, который вообще-то был моложе ее на шесть лет. Но, чувствуется, он вовсе не рассчитывал связывать свою жизнь с матерью двух детей-подростков, разведенной «публичной женщиной», как за глаза называли сотрудники ее продюсерского центра. Как раз этот молодой человек и не подумал ревновать, а поздравил дружеским поцелуем в щеку с нескрываемым облегчением.

Сообщением о дорогостоящем подарке она вызвала ревность лишь у невзрачной жены олигарха Бероева, матери четырех его детей. На ее день рождения она явилась, обвешанная цветными бриллиантами, напоминая дешевую рождественскую ель на благотворительном базаре. Весь вечер она намеренно громко говорила с подобострастно улыбающимися соседями за столом, много ела, а под самый конец, явно выпив лишнего, начала громко хохотать, когда все гости любовались последним танго виновницы торжества.

Она отдавала отчет, что с олигархом Бероевым у нее вышла действительно некрасивая история. На Лазурном берегу этот олигарх на страшной скорости врезался в придорожный столб. Если бы с ним сидела жена, он бы точно придерживался нормальной скорости и не пытался всех обогнать. Но в машине с ним ехала именно она, и Бероев, отлично знавший о ее страхе перед дорожным лихачеством, разогнал свой Land Cruiser так, что она визжала, не переставая, вплоть до того, как он врезался в столб, а машину объяло пламенем. Потом ей ставили в вину, что она, обожженная, с израненными коленями и руками, сбежала из

автомобиля, а самого Бероева вытаскивали из машины случайные люди, успев потушить пожар до взрыва.

Но ведь можно было понять, насколько бы тошно было его жене, останься она в машине ее мужа. Одно дело, когда ее муж просто попадает в аварию, а совсем другое дело – когда он попадает в аварию с известной телеведущей, моделью и известной каждому «иконой стиля». Но жена Бероева все же узнала из желтой прессы, что в машине ее муж был не один. Будто ее муж, старавшийся всеми силами завоевать звание «статусного любовника», в машине которого теперь хоть раз должна была побывать любая уважающая себя «светская львица», – хоть куда-то выезжал в одиночестве, не посадив в машину самых известных. То, что она орала и плакала, умоляя его снизить скорость, его жена, конечно, не учитывала.

Чтобы хоть как-то осадить разошедшуюся жену Бероева, явно намеревавшуюся вцепиться ей в лицо гелевыми когтями, после танго ей пришлось объявить, будто автомобиль ей подарил бывший супруг с... Ямайки. Женой Бероева и эта версия была воспринята с соответствующим случаем издевательским смешком. Конечно, таких женщин, как эта курица, «не бросают», зато гоняют с кем попало на дикой скорости по всему Лазурному побережью. А вот от таких жен, как она, муж может уехать вначале на Ямайку, потом на Кубу, а потом и к черту на кулички, выпрашивая потом у нее по скайпу срочно пополнить карту Visa.

Семейная жизнь по рецепту супругов Бероевых ее никогда не привлекала, она выросла в семье, где родители поженились, когда им было уже по тридцать, поэтому любили и ценили друг друга с особой нежностью. Но она никогда бы не могла подумать, будто именно ей когда-нибудь придется давать подчеркнуто легкомысленные интервью на «семейную» тему.

«С годами для меня становился все более очевидным тот факт, что мы с мужем перестали подходить друг другу. Во всем. У нас разные скорости, разные цели, разные подходы к жизни, разные представления о семье. В последние несколько лет очень сильно отделились друг от друга и жили параллельными жизнями. Долгое время мне казалось: надо подождать, у нас обязательно все еще будет хорошо. Но пришло понимание: ничего нового не будет. Мы — разные, и никто никого не сможет изменить. Ну а если паре становится ясно, что общих целей нет, какой смысл создавать видимость счастливого союза? Ради детей? Но не должны они являться причиной того, чтобы люди всю жизнь жили вместе, доставляя друг другу боль и неудобство.»

Вряд ли кто-то понимал, чего ей стоили подобные «объяснения». Ей пришлось тайком закрашивать раннюю седину краской, которую покупала для нее только мама. Дважды ей пришлось снять в рекламе красок для волос, где эта краска «не течет и тщательно закрашивает седину», понимая, что не за горами предложения о рекламе крема для зубных протезов и автомобильных сидений с подогревом. Заученной скороговоркой она подчеркивала во всех интервью, что является очень амбициозным человеком с серьезными, далекоидущими планами, намекая на свое «умение концентрироваться на новых возможностях» и желании управлять «успешной международной компанией». Но «статусных» интервью становилось все меньше, поскольку публика стремительно утрачивала интерес к любому изданию, передаче или сетевому ресурсу, дававшему ее интервью. То же самое происходило и с другими «светскими львицами», будто вокруг сворачивалось и уходило навсегда извечное любопытство публики к личной жизни «звезд» и «икон стиля».

Не стал исключением и ее муж, когда-то бывший ее соратником и самым преданным оруженосцем в ее битве за поддержание «статуса». В какой-то момент он не только потерял интерес к собственному бизнесу, хотя имел одну из самых успешных зубоорудовальных клиник столицы, но и к семейной жизни, даже к детям. Впрочем, ее муж, как и большинство мужчин их круга, уже не был тем папой, который бы возился с ребенком круглосуточно, по утрам водил в детский садик, провожал в школу, а по вечерам забирал домой, проверял уроки, то есть жил бы интересами детей. Подобное поведение давно не вписывалось в ритм их

современной жизни, но, в отличие от знакомых, нанимавших с этой целью прислугу, у них в семье эти обязанности выполняли любимые бабушки, их мамы.

Она никогда бы не призналась себе, что именно из-за бесплодной погони за «статусом», когда Время лишь оттягивало тот момент, когда ее «статусу» будет нанесен последний удар, ее муж оказался в тупиковой ситуации. В один чудный момент, когда ей пришлось перенести очередные болезненные уколы ботекса, чтобы скрыть развивающиеся «гусиные лапки», он заявил ей, что занимался бизнесом, который никогда его не вдохновлял, поскольку он всю жизнь хотел быть художником. И теперь он не может ей простить, что вся их семейная жизнь была подчинена ее амбициям, то ему, вместо занятий живописью, приходилось заниматься зубоветеринарной клиникой.

Он, конечно, не учитывал, что «реализация ее амбиций» давала львиную долю их семейного дохода. Да и вообще само вступление в брак, и особенно появление детей, должно было хоть в чем-то ограничивать человека, в частности, и в поисках себя. Во всяком случае, до вступления детей во взрослую жизнь. Но муж решил по-своему, а она решила уважать его выбор хотя бы в интервью. Его отъезд из страны не стал для нее большой неожиданностью, поскольку в последние годы он часто говорил, что мечтает путешествовать и наслаждаться жизнью, соединяясь с природой. Она выслушивала всю эту чушь с растущим негодованием, едва сдерживаясь, чтобы не выставить его из дому. В интервью она говорила об этом без иронии, хотя ей, как человеку глубоко урбанизированному, было чуждым и малопонятным инфантильное нытье взрослого мужчины об утраченных возможностях «слияния с природой». Ради этого «слияния» ее бывший муж вначале около полугода жил на Ямайке, потом перебрался на Кубу, а после куда-то еще. Сливаться с природой на даче в ближнем Подмосковье в его планы не входило, хотя дети хотели большего внимания, чем общение по скайпу. Но, чтобы лишний раз не подвергать себя унижениям, она запретила детям в чем-то осуждать отца, а напротив, всеми силами стараться поддерживать его «творческие поиски».

Но ведь наибольшее унижение можно испытать, когда такой никчемный субъект нужен хотя бы в качестве бывшего мужа, когда на тебя наезжает безвкусная жена олигарха Бероева, зная, что ее бывший муж мог позволить ей купить только «Fiat», да и тот - в кредит на три года.

Наверно, все гости с ее дня рождения догадывались, что красный Audi Q7, в котором она торчала в пробке посреди Каширки, она купила себе сама. Ждать новенький автомобиль пришлось почти полгода, хотя никаких особых изысков она не заказывала, для нее главным был «статусный» ярко-красный цвет, с передней панелью такого же цвета. Обязательными были тонированные стекла, люк и чтобы на черных кожаных сиденьях имелись темно-серые велюровые вкрапления. Вот такой виделась эта машина своей требовательной хозяйке, руководствовавшейся в выборе масштабностью и надежностью.

Пока она ждала прихода своей машины, компания «Audi», сделав ей значительную скидку, давала ей на прокат демонстрационные автомобили, поставив условием побывать в них во всех пробках на самых нагруженных шоссе. При этом за рулем должна была сидеть она сама, без шофера, чтобы все видели предпочтения известной «иконки стиля», понимая, что именно такой автомобиль выбирают, как правило, натуры творческие, с тонкой душевной организацией и любовью к упорядоченному быту.

Не будучи опытным автомобилистом, она «целовала» все углы, «обнимала» все тротуары». В ее распоряжении побывал и чудный «Chrysler PT Cruiser», конечно же, красного цвета. «Жалко терять время просто на то, чтобы за руль держаться» - признавалась она, возвращая фирме побитые ею модели.

Из окон медленно двигавшегося автобуса на нее с отстраненным равнодушием смотрели женщины, одетые в потертые китайские пуховики, ставшие практичной униформой

пассажиры общественного транспорта, независимо от их пола и возраста. Вряд ли до них мог вполне прийти смысл ее остроты, которой она заканчивала любые попытки вывести ее из себя вопросами о личной жизни: «С абсолютной уверенностью могу сказать всем женщинам: дорогие, не тратьте вы свое драгоценное время на выбивание материальных компенсаций от бывших мужей, используйте лучше его на собственные заработки!»

- Ты иногда демонстрируешь пример чудовищного женского эгоизма. И слабости, конечно. Взрослая женщина, а подход к семейной жизни максималистский, как у подростка, - вдруг раздался приятный мужской голос с заднего сидения. – Впрочем, узнаю Эрато, такой образ мыслей всегда ей глубоко импонировал. Свести все житейские уроки к тому, кто сколько «получает от жизни» - это в ее неповторимом стиле. А ты действительно становишься к старости его «иконой».

Обернувшись, она с тоскливым чувством увидела прямо у себя в машине то, чего всегда боялась, с опаской поглядывая в зеркальце заднего вида: кутавшегося в белую шубу красавца с золотыми кудряшками, обрамлявшими бледное лицо. И, конечно, в другом углу заднего сидения старалось вжаться в ее чудесную кожаную обивку светящее существо, оставляя несмыслимые подпалины на сером велюре.

- Слушай, а почему ты ко мне в машину подсаживаешься со своим очередным «уловом»? – почти не сдерживая раздражения из пережитого испуга, спросила она, снимая очки. – У меня ведь там дети будут сидеть, после... этого!

- Не злись, пришла пора тебя навестить. Ты же не хуже меня знаешь, что золотой песочек в твоих часах тью-тью, - рассмеялся субъект в белой шубе. – К тому же только ты способна оценить пикантность ситуации. Это ведь он тебе на прошлой неделе отказался давать интервью, а нынче ты злишься, что он пятна на твоей обивке оставит. Но взять во внимание сам повод твоего заточения на Каширке! Слушай, а слабо было заявить всем этим «религиозным подвижникам» с новой кафедры теологии, чье изображение ставят перед биржами, банками и торгово-промышленными палатами, а?

Да, можно было бы с пристрастием допросить всех пассажиров освещенного автобуса, тоскливо смотревших на медленно двигавшийся поток машин за окном. Но никто бы из них и при угрозе применить «следственные мероприятия» в виде пустой бутылки из-под шампанского не проявил бы настолько «вредных стереотипов», чтобы предположить кто может сидеть в алом ауди с тонированными стеклами. Ради чего тогда из чисто эстетических соображений ставить его статуэтку в крылатых сандалиях там, где обычно любят собираться «акулы бизнеса», если при этом не давать себе воли даже задуматься, а кто он, собственно, такой?

Можно было допросить и усталых, заляпанных грязью инспекторов ДПС, пытавшихся разогнать пробку до быстро наступавшей ночи, но никому бы из них и в голову не пришло, будто на заднем сидении ее машины в белой шубе развалился тот, о ком и младшие школьники уверены, будто его «никогда на свете не было».

Вряд ли можно было объяснить одной маниакальной склонностью к «мифологии» тот факт, что человечество упорно верило в реальный факт его существования - раз в пять дольше, чем в Будду, Аллаха и Христа.

И сейчас тот, кого «на свете не бывает», вольготно устроился у нее на заднем сидении собственной персоной, прихватив качестве своеобразного трофея – душу генерала-силовика, сделавшего в пятницу в Государственной Думе по поводу пыток при допросах задержанных. И она многое бы дала, чтобы не видеть эту светящуюся субстанцию, с нескрываемым страхом озирающуюся по сторонам. Наверно, он соображал, что же с ним будет дальше, радуясь, что это ведь не смерть, а... какое-то иное существование. Может быть, он даже начал успокаиваться, поняв, в чьей машине оказался. Но вот чего он точно не понимал, что эта краткая остановка перед вечным путешествием в никуда сделана с одной лишь целью - напугать ее.

- Вот мы вроде с тобой и враги, но только ты меня понимаешь, - самодовольно хмыкнул ее пассажир, поняв, о чем она думает. - Я, наверно, немного расчувствовался. Возможно, потому,

что сопровождаю человека, весьма ценившего взаимопонимание. Он такие вещи старался понять, что даже мне не снилось... Хотя я привык понимать самые потаенные уголки человеческих душ и никогда не видел причин, чтобы не исполнять спрятанные в них сокровенные желания. И здесь, согласишься, мы в чем-то близки, Эрато.

- Давай без фамильярностей! – резко оборвала его женщина, стараясь заставить его скорее сказать то, зачем он явился к ней с душой министра-силовика.

- А то что? Мамочке пожалуешься? – издевательски поинтересовался красавец. - Ты сама сделала ставку на эротику, а не на высокое искусство. На собственный «статус», а не на создание художественных образов, не на помощь своим сестрам, например. Меня всегда удивляло, что, собственно нашла в тебе Сфейно? Разве не при тебе передали шикарное предложение вашей «за царями идущей» - написать для раскрутки «жесткое порно»? Думаешь, я не помню, как ты сама хохотала? А эти твои эротические фото без бюстика – просто класс!

- Но ты к ним добавил другие, порнушные, - чуть не расплакавшись от обиды, сказала женщина, вновь и вновь поражаясь, как же легко оказалось этому мерзавцу вывести ее из себя.

- Немного подправил, признаю. Воспользовался высокими технологиями фотошопа, - продолжил втыкать ей в спину английские булавки субъект в крылатых сандалиях. - Ты должна была понимать, что рано или поздно это захочется сделать многим. Это же просто кайф, когда в Интернете полно таких откровенных фотографий ведущей детской передачи, всем деткам очень это понравится. Думал, что ты понимаешь, что делаешь. Ты же никогда не старалась поднять духовную жизнь общества, над чем всегда упорно и столь же безуспешно бились твои сестрицы, ты всегда старалась опустить общество до своего «статуса», до своих амбиций. Нисколько не осуждаю тебя, мне забот меньше. А к твоим «статусным» фото всего лишь

добавил несколько картинок в духе Возрождения, где все твои сестры позировали в чем их мама родила.

Вдруг он увидел перед собой краешек пластикового конверта в кармане чехла переднего сидения и бесцеремонно достал из него подготовленные ею буклеты о себе самой. С глумливой усмешкой он зачитал вслух наиболее впечатлившие его места.

«Лучезарная журналистка завораживает нас своей бешеной энергией, искристым взглядом и восхитительным голосом. Она появилась на нашем телевидении внезапно, и совсем скоро ее голос узнавать, ее внешностью любоваться, а ее имя как-то невольно запомнилось почти каждому. Будучи совершенно уверенной в том, что журналистика ее призвание, она поступила на «журфак» ВТГУ, а так как ее карьера молниеносно стала расти, то молодая журналистка оказалась в Москве.

Сегодня она говорит о звездах, но ведь и сама она уже стала звездой. И теперь уже о ней пишет современная пресса. Журналисты едва поспевают за одной из самых ярких, стильных и энергичных женщин отечественного телевидения. Она избрана членом Академии Российского телевидения, приступила к созданию биографической книги, снялась в фильме, клипе, рекламных роликах, выучила еще один иностранный язык и даже участвовала в женском ралли.»

- Наш пострел – везде поспел! – рассмеялся он надо ее рекламным текстом. – Ну, какая из тебя – «журналистка»? Из тебя порнушные фотки хорошие, а журналистика.. Ты даже о себе не можешь интересную заметочку навалить. Вот что это такое?

«Слухи о том, что она собирается перейти на работу в Минобрнауки и сменить телеэфир на госслужбу, сменились еще одной, мягко говоря, неожиданной новостью - вчера стало известно, что телеведущая вошла в совет директоров Баранофф-банка, т.е. стала вдобавок банкиршей.

"Пойти во власть, чтобы получить машину с мигалкой? Это просто смешно!" – сказала она журналистам.»

- Ты вообще кто? Журналистка или участница ралли? Какая из тебя – «госслужащая Минобра»? Может, что-то стала понимать в образовании, экономике или ресторанах? – добавил он уже вполне серьезно. - Одну библиографическую книгу начирикала, а теперь она второй угрожает... У тебя что, от этого две биографии появятся? Одна – реальная, а другая – для конвертов продажным журналистам? Ты же одной душой в наш покер играешь, другой не появится.

- А твое какое д-дело? – постаралась скрыть страх женщина, тут же почувствовав ледяной холод, коснувшийся ее души.

- Это дело исключительно мое, как ты понимаешь! – жестко одернул ее пассажир в белой шубе. - Вот этот цуцик пачкает твою обивку исключительно потому, что сам жил чужой жизнью и другим помогал, причем, на широкую ногу. Поэтому сейчас он целиком – *мой!* А ты, вместо своей «лучезарной журналистики», пытаешься заменить всех, а прежде всего, вашу ненавистную «прекрасноголосую», золотой короной увенчанную. Ты сама как-то скорей определяйся, а то ты по своей эротической природе решила «и нашим, и вашим». Я-то рассчитываю, что ты сделаешь правильный выбор, поняв, что крутишь баранку исключительно по моей доброте... *душевной.* Я нынче к тебе сирену пришлю, договоритесь с ней обо всем. Хорошо хоть ты пока фильмы не снимаешь. Но наши сиреночки заинтересованы андеграундом, надо подпиарить их кинематографическое творчество.

- Чтобы я пиарила сирен, из которых музы перовые подушки делали, ошипав, как гриль? \

- Можешь не сама, но на все каналы толкни! И без возражений мне!

- Что ты себе позволяешь, кто ты такой? – в страхе прошептала женщина, вытирая слезы красными лайковыми перчатками.

- Это преподаватели кафедры теологии не знают, кто я такой, а тебе и спрашивать нечего, - по прежнему жестко давил на нее пассажир. - Ты достаточно получила в жизни, став живым воплощением пятой музы любовных песен Эрато. Правда, от тебя никто никаких любовных песен не услышал, кроме песни к себе самой. Силу Эрато ты использовала лишь для карьеры из буклета, чтоб загрести все под себя. Сделав так, чтобы иные твои сестры никогда не проснулись, не поверили в себя. Как я понимаю, договор со Сфейно у тебя был именно об этом. А сейчас ты обижаешься, что я всего лишь фотошопом спустил твое бельишко чуточку ниже. Но ведь, по большому счету, на месте этого силового министра должна была сидеть твоя шкурка, а не его! Этот солдафон натворил несусветные вещи только потому, что музы молчали. А замолчать их заставила... ты! Поэтому я сижу тут у тебя и, честно говоря, не понимаю твоего индифферентного отношения. Ты – моя! И с этого момента должна служить только мне!

- Ты ничего не можешь сделать музе! – в отчаянии прошептала женщина.

- Милочка, музе я, может, и не сделаю ничего, пока есть хотя бы крупинка золотого песка, но многое могу сделать с тобой. К тому же... твою обнаженку я выставил в сети сразу после рекламы Сбербанка! – пассажир в раздражении опустил тонированное стекло и выкинул в

окно пластиковый конверт с ее буклетами. - Думаешь, я не догадался, кто это вдохновил авторов рекламы «Сбербанк – партнер олимпиады в Сочи!» на этот «античный сюжет»? значит, кудрявый денди Посейдон приходит в Сбербанк, рассуждая, где он ванну поставит, а где будет огурчики солить? А я ему ипотеку подсовываю при смазливой девке из массовки?

- Я... я думала... это не я! – попыталась оправдываться дама, плотно прижав лайковые перчатки к заплаканному лицу.

- Не крутись! Разгадать твой «ход конем» и выявить твой наглый почерк - труда не составило. Это ведь вы – аллегория, пустое место! Или, как это пишут в энциклопедиях – «олицетворение потребностей лучших сторон человеческой души», - почти добродушно оборвал ее пассажир. - Нарочно для тебя лично снял эту душу, чтобы ты на нее полюбовалась. Ее последней «лучшей потребностью» было взаимопонимание жизненных коллизий, которые эта душонка устраивала своим соотечественникам в мирное время, в самой богатой стране мира. И я даже уточнять не стану, что там были за коллизии. Скажу лишь, что если бы он в прошлую пятницу как-то иначе понял свои «коллизии», хоть немного бы оставался человеком, мне сейчас с ним не пришлось тащиться в Тартар. Сказать, будто он чего-то не знал из списка «что такое хорошо, а что такое плохо» - не представляется возможным, он предварительно заготовил «общественную реакцию» о себе. Он там прямо указал, что «компетентен, владеет ситуацией». Ну, прямо как ты о себе написала в своем конвертике! Даже сейчас стал сомневаться, ту ли душу сейчас до места доставляю?

- Ты не можешь, не можешь! – в отчаянии зарыдала дама. Пробка начала понемногу рассасываться, машины сзади начали ей сигналить. Давясь слезами, она медленно вновь продвинулась вперед.

- Да, пока есть пара песчинок, я тебя не трону, но потом... Поэтому сверни-ка в Коломенский проезд, там у нас пересадка. Вспомни сегодняшней свой комментарий к сюжету о кафедре теологии. Отчего бы тебе было честно не рассказать, что боги вообще-то бессмертны, как художественные образы, они обретают силу, когда в них верят. Они никуда не исчезают и не «рассасываются сами по себе». И когда люди приходят в храм, им надо для начала признаться самим себе – кому и о чем они молятся. Могла бы всем объяснить, что есть сущности вроде наших знакомых гарпий и горгон, которые существуют вечно и объективно, независимо от степени просвещенности на их счет и чьей-то «веры». И есть такие сущности, которые можно подхватить случайно, как венерическое заболевание, не отдавая себе отчет обо всех последствиях. А потом-то ведь уже жизнь нормальной не бывает, верно? Потом, чтобы иметь такую прекрасную машину, как у тебя, надо сделать выбор, а стоит ли разделять в эротических фантазиях человека прекрасное - от дурного и даже преступного? Или... все же допустить нечто заведомо дурное на прекрасную половину души, проявляя полное «взаимопонимание» на уровне этого генерала? Верно, Эрато?

- Послушай, я всю жизнь вкалываю, как лошадь... На мне семья, дети!.. У меня ипотека!

- Да-да, ты работаешь, не покладая рук! Этот приевшийся штамп «вкалываю, как лошадь» тебя совершенно не красит. Но я не собираюсь проявлять «полное взаимопонимание», когда за свою ипотеку, проклиная меня каждой копейкой месячных выплат, ты еще и вдохновляешь рекламу, где я выставлен ростовщиком, живущим на проценты с ипотечного кредитования при Сбербанке.

- Ты – бог воров и обманщиков! Это все знают! – в отчаянии выкрикнула женщина, давая себе слово сделать все, чтобы он больше не говорил с ней таким презрительным тоном, будто она – давно пустое место.

- Я – Гермес! Бог коммерции, торговли и ремесел, заруби себе на носу! В особенности, когда в очередной раз решишь соврать! – оборвал ее красавец, жестко среагировал на ее попытку установить с ним хоть какую-то дистанцию.

Он недовольно заворочался на заднем сидении, кутаясь в свою шубу, и от его попытки разместиться поудобнее окна изнутри машины покрылись изморосью. Ей пришлось протирать стекло тряпкой, поскольку она не хотела злить его, прибавив температуру внутреннего отопления.

- Смотри, сейчас я доставляю эту душу куда надо, завершая сделку с совестью вот этого гражданина, - продолжил свою мысль Гермес. - И пока он получал желаемое, он в этом светлячке нисколько не нуждался. А сама эта сущность стараясь себя никак не проявлять, стараясь не мешать карьерному росту своего счастливого обладателя. Ни разу не взбунтовалась, никак не проявила заложенные в ней лучшие качества, предпочитая куда более приземленные удовольствия, доступные физическому телу и в настоящий момент.

Эрато подумала, что вряд ли теперь оставшееся без души тело главного силовика справится с общественным резонансом от его выступления в Думе.

- Не переживай, с ним осталась Подарга, наша быстроногая, - усмехнулся ее мыслям Гермес. - Всегда удивляло, что она больше любит бегать, а не летать. Я, собственно, вот ведь еще по какому поводу к тебе подсел... Понимаешь, этот фрукт не справился с вашей старшей сестрицей. Ты бы не могла мне немного помочь?

От неожиданности Эрато припарковалась так, что ехавший за ней автомобиль чуть было не врезался в бампер ее машины.

- Т-ты что п-предлагаешь? - с запинкой спросила она пассажира, обернувшись к нему всем корпусом. - Убить ее?

- Да никто ее не собирался убивать! - взмахнул он на нее белыми пустыми рукавами, из которых на обивку посыпались снежинки. - Она должна стать ловушкой смердящей плоти для того вируса, который сподобилась подхватить.

- Вам никогда справиться с ней! - не смогла скрыть торжествующей улыбки Эрато. - И пугать ее такими душами бесполезно, да?

- Я не понимаю, кто нас предал, - в задумчивости проговорил он, против воли раздвигая узкие губы в ответ на ее искрившуюся смехом белозубую улыбку. - Генерал год назад лично всех перетряс, никто так и не признался, кто слил всю операцию.

- Ты не понимаешь, как это работает! - ответила ему женщина, резко выкинув средний палец руки вслед здоровому джипу, чуть не поцарапавшему крыло машины. - Про меня тоже говорят, будто мне «сливают информацию» непременно в интимных ситуациях. А это... куда более тонкое понимание человеческой души, чем твоя телепатия о шкурных интересах. Ты даже не понимаешь, на что обрек своего подопечного. Ты увозишь его душу в залог, оставляешь возле него гарпию, решив, будто у тебя «все схвачено». А наша старшая расправится с ним без души парой постов соцсетях, не имея такой посещаемости, как у меня. Она сама не раз говорила, что ей достаточно пяти читателей, чтобы ее крик был услышан всеми. Посмотрим, чем поможет его телу Подарга.

- Достала она своими воплями! - не скрывая раздражения, посетовал пассажир.

- Это - «крик Киллиопы», его слышит только тот, кто безвозвратно теряет свою душу, - печально ответила Эрато.

- Ага, ты у нас тоже, оказывается, не глухая. Как говорится, о вкусах не спорят, вкусы формируют, а потом использую в коммерции, - назидательно ответил ей собеседник, добавив с довольной ухмылкой: «Тебе ли об этом не знать!»

- Да, я об этом помню, - откликнулась женщина. - Может мне и не с чем являться теперь к старшим сестрам, но я постараюсь не дать в обиду младших.

- Напугать решила? А я тебе когда-нибудь мешал? Как говорится, кайло в руки. Пора бы задуматься, почему не ее, а тебя я всегда старался включить в жюри литературных конкурсов. Хотя ты-то ведь могла догадаться, кому ты обязана такой честью, если в книгоиздании на первый план ставится коммерция, а конкурсы бренды являются единственным «литературным достоинством» этого товара. Или сделаешь вид, будто не понимала и не догадывалась? - рассмеялся красавец. - А сестричка у вас суровая, она взаимопонимания проявлять не станет, как это субъект, она бьет наотмашь, а иногда и ногами.

- У нас еще может продержаться какое-то перемирие, если ты оставишь ее в покое, - почти жалобно сказала женщина. - Отстань от нее! Ты ничего не добьешься! Ты не понимаешь, что каждым наездом придаешь ее словам силу, которой тебе никогда не обрести. Я же не русская,

поэтому очень чувствую, что русский язык меняется, он становится другим. И стоит ей встретиться со старшими сестрами, вовсе не со мной...

- Ой, и тогда тебе не удастся выплатить ипотеку в Сбербанк! – насмешливо оборвал ее собеседник. - Думаешь, я не понимаю твоих шкурных интересов, Эрато? Ты тоже, как и я, хотела быть главной музой! Такой... которая что? Ага, которая остается музой до конца жизни. Тебе не хотелось отдавать статус музы эротике более молодой претендентке, верно? У нас много общего, гораздо больше, чем тебе кажется. Но ты все же постаралась дополнительно меня ущипнуть, показывая в рекламе – слугой Посейдона, зная, что мне это будет неприятно. Когда ты поедешь со мной в чудные вечно холодные края, я тебя по пути со своей мамочкой познакомлю. Она тебе многое расскажет, как лучше всего солить огурцы.

- Ты про огурцы просто так говоришь? Или имеешь в виду ее сетевой ник? – деловито поинтересовалась Эрато, видя, что ее булавка тут же достигла цели. Гермес впервые не нашелся с ответом, зло ткнув кулаком жалобно заскуливший светящийся комок.

- Послушай! Ей не так много оставалось, когда ты спустил на нее свору этих идиотов, - кивнула женщина на сжавшийся светящийся комок в углу заднего сиденья. – У нее от человеческой жизни оставалось меньше песчинок, чем даже у меня! При этом она раскрыла все их планы, они ей все на блюдечке принесли! Она же каждого прокачала и составила всю мозаику! Но попутно она выцедила всех явившихся, поинтересуйся, что стало с ними, когда твои «девочки» полакомились их душами. Знаешь, почему мне в первую очередь всегда было неприятно иметь с тобой дело? Потому что даже сейчас, увозя эту душу в Тартар, ты думаешь, что действуешь по своему желанию и по своей воле. Я свое место знаю! Да, никогда не хотела иметь дело с «мадам Огурцовой», гораздо больше тебя! Потому и на конкурсах искала, кем ее можно заменить! Оставалась немного подождать, после ее смерти мне бы удалось пристроить искру... куда-нибудь из лауреатов премий.

- Ты уж совсем того... ты непроходимая дура, оказывается! – не выдержал Гермес. – Ты решила, будто сможешь заменить горгон? Ты своими «широкими возможностями» ниже пояса точно крышей съехала!

- Нет, это ты – круглый идиот! – почти склочно ответила Эрато. - Ты хоть знаешь, что ей на роду было написано всего пятьдесят два года? Она умирала! И что делаете вы? Вы даете ей возможность заплатить за все сказанное своей кровью! А сейчас ты увозишь душу человека, которого она ненавидела, не по своей воле, а всего лишь выполняя ее пожелание! Так и передай своей ледяной мамочке! Может, вернешься и постарайся эту дрянь обратно слюнями приклеить? Ах, я же забыла, что там началась большая кормежка, ты же сам туда гарпий привел! Сейчас там все ответят за бутылки шампанского, борьбу с экстремизмом, за снятые скальпы и позы лотоса... но не перед тобой, а перед ней! И тебе никогда не стать верховным божеством, потому что ты можешь только уничтожить душу. А вот она, смертная, может спасти любую душу... и... и... может быть... даже мою.

Последние слова Эрато произнесла в несвойственной ей задумчивости, и небольшая морщинка вновь пролегла между ее идеально ухоженными бровями.

- Не надо было тебе садиться с ним ко мне в машину, проваливай! Ты ведь хотел меня напугать? Тебе это удалось, считай, что я задумалась, - сказала она тихо, чувствуя крайнее опустошение.

- Только не думай, что вот эти достойны чего-то лучшего, - сказал мужчина выходя на снег в сандалиях. Эрато увидела, как снег, коснувшись его белых изящных ступней, тут же отскочил в сторону, а сандалии приподняли его над белым пушистым покровом.

- Выходи, бедолага! – крикнул он светящейся фигуре, судорожно ухватившейся за ручку двери, явно стараясь остаться в ее машине.

- Уходите отсюда, - твердо сказала Эрато, стараясь не оборачиваться и не глядеть в зеркало заднего вида. – Вам никто не поможет. Разве что... решится вместо вас отдать свою душу... Ваша жена, например? Ведь она стольким вам обязана! Они с подружкой Светланкой, если не ошибаюсь, были замешены в странной гибели Светинового мужа. Согласитесь, странно, когда человек кончает жизнь самоубийством, пять раз падая с кровати на нож. А потом вы

уничтожили документы о дорожно-транспортном происшествии, где был насмерть сбит человек, а ваша жена была рулем, не так ли? Неужели ваша жена не поможет вам? Нет? А ваши друзья, чьи грехи вы покрывали? Но может быть проявит понимание ваше начальство?.. Свою тираду она закончила таким криком, что сработала сигнализация у припаркованной рядом машины.

- Прекрати истерику! – осадил ее Гермес. Наклонившись к светящейся фигурке в углу заднего сидения, он почти вежливо сказал: «Выходите, дружок! Мы пересаживаемся на другой транспорт, не столь комфортный для вас».

Эрато не смогла отследить момент, когда возле него появилось отродье Падарги. Из ниоткуда возле красавца в белой шубе возникли два крылатых вороных жеребца со страшными белесыми перламутровыми глазами, абсолютно лишенными зрачков и радужной оболочки. Их светившиеся в темноте глаза выглядели особенно страшно на черной морде коней с выступающими кривыми зубами, обметанными пеной. Эрато отвернулась, чтобы не видеть, как Гермес тащит из машины в ужасе заскулившую душу. Она с облечением хлопнула за ними задней дверью, отпустив защелки, будто они могли защитить ее от происходящего. От резкого звука хлопающей двери кони взвились, кося в ее сторону своими мертвенно-бледными глазами. Но они тут же опустили на землю по первому окрику Гермеса, покорно подставив ему оседланные спины, прижимая к бокам вздрагивавшие короткие черные крылья.

- Сходи в соларий, Гермес! – с кривой улыбкой крикнула из машины Эрато, глядя, как он тюком сворачивает стонущий светящийся комок, стараясь ту же привязать его к седлу. В свете уличного фонаря было видно, что его руки и на полтона не отличались бледностью от лилейно-белой шубы.

- Спасибо за совет, Эрато! Но думаю, и так сойдет. А то будешь потом рассказывать, как я следую всем твоим советам, выполняя волю старшей сестры. До встречи! – сказал он, вспрыгивая в седло крылатого скакуна.

- Будь ты проклят! – прошептала Эрато, резко рванув с места в своем ярко-красном авто. Во внезапно поднявшемся сзади снежном вихре она не смогла бы различить, как Гермес поманил пальчиком кого-то с затянутого темной мглой неба.

- Аэлло, Аэллопа! – крикнул он двум теньям, кружившим над его головой. – Сейчас наша маленькая скандалистка отправится в убежище Сфейно. Проследите на ней! Она меня не интересует, мне надо уничтожить часы. Эрато говорила, сколько песка осталось у Каллиопы, она могла их видеть только у Сфейно! Уничтожьте их!

